

HISTORY OF THE EAST
Historiography, source critical studies,
historical research methods
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Историография, источниковедение,
методы исторического исследования

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(575.1)"14/15" + 930.2(575.1)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-1-60-76>

**Об историографии Мас'уди б. Османи Кухистани
в Тарих-и Абу-л-Хайр-хани**

Али Резаипуя

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
ali.rezaee.puya.ir@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7150-7330>*

Аннотация. «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» — всеобщая история, написанная в Самарканде во время правления Абд-ул-Латиф-хана (947/1540–959/1552) местным бюрократом Мас'уди б. Османом Кухистани. Несмотря на её значение, критическое издание текста и его всестороннее текстологическое исследование до настоящего времени не осуществлены. Цель работы — выявление источников, закономерностей текста, анализ авторских правок и взглядов самого Мас'уди. Исследование показывает, что раздел, посвященный древней истории, основан на трех ключевых трудах: «Тарих-и Бенакати», «Табакат-и Насири» и «Шахнаме» Фирдоуси, в то время как освещение более поздних событий опирается на «Зафар-наме» Йазди и «Тарих-и Рашиди». Для описания событий XV–XVI вв. Мас'уди использовал устные и, вероятно, документальные источники, предоставив уникальные данные. Предлагается понимать данное сочинение как политический акт, направленный на утверждение иранской монархической модели и укрепление идеи Мавераннахра в условиях племенной раздробленности и цивилизационного кризиса. Пример этого текста демонстрирует, как персидская историография Бухарского ханства служила не только инструментом легитимации существующей власти, но и средством её переосмысления и корректировки посредством критического анализа и творческой интерпретации исторического прошлого.

Ключевые слова: «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», персидская историография, Бухарское ханство, династия Шайбанидов

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Благодарности: Автор благодарит З. А. Джандосову и Ю. А. Иоаннесяна за прочтение статьи и ценные замечания. Также выражаю благодарность редактору журнала Т. М. Мастюгиной за стилистическую правку текста.

Для цитирования: Резаипуя А. Об историографии Мас'уди б. Османи Кухистани в Тарих-и Абу-л-Хайр-хани. *Ориенталистика*. 2025;8(1):060–076. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-1-060-076>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-1-60-76>

On the historiography of Mas'udī b. Osmānī Kūhistānī in Tārīkh-i Abū' l-Khair Khānī

Ali Rezaeepuya

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
[ali.rezaee.puya.ir@gmail.com/](mailto:ali.rezaee.puya.ir@gmail.com), <https://orcid.org/0009-0001-7150-7330>

Abstract. Tārīkh-i Abū'l-Khair Khānī is a general history written in Samarkand during the reign of Abdul-Latif Khan (947/1540–959/1552) by a local bureaucrat, Mas'udī b. Osmānī Kūhistānī. Despite its importance for shedding light on the history of the Transoxiana, critical edition of the text and comprehensive textual study have not yet been undertaken. This research aims to identify the sources and structural patterns of the work, as well as analyze the author's modifications to his references. The study reveals that the work's coverage of ancient history draws primarily upon Tārīkh-i Benākati, Tabaqat-i Nasiri, and Ferdowsi's Shahnameh, while its account of later events relies on Yazdi's Zafar-nameh and the Tārīkh-i Rashidi. In describing the events of the 15th–16th centuries, Mas'udī utilized oral and likely documentary sources, providing unique data. This analysis proposes that the Tārīkh-i Abū'l-Khair Khānī should be understood as a political act aimed at reinforcing the Persian monarchical model and bolstering the concept of the Transoxiana in a period of tribal fragmentation and perceived civilizational crisis. This demonstrates how the Persian historiography of the Bukhara Khanate served not only as an instrument for legitimizing existing power, but also as a means of its reinterpretation and adjustment through creative interpretation of the historical past.

Keywords: Tārīkh-i Abū'l-Khair Khānī, Persian historiography, Bukhara Khanate, Shibanid dynasty

Acknowledgments: The author thanks Z. A. Dzhandosova and Yu. A. Ioannesyan for reading the article and valuable comments. I also express my gratitude to the editor of the journal T. M. Mastugina for stylistic editing of the text.

For citation: Rezaeepuya A. On the historiography of Mas'udī b. Osmānī Kūhistānī in Tārīkh-i Abū' l-Khair Khānī. *Orientalistica*. 2025;8(1):060–076. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-1-060-076> (in Russian).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Введение

«Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» — всеобщая история на персидском языке, описывающая историю мира, привязанную к Мавераннахру, от Адама до образования династии Шибанидов¹. «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» нельзя считать мировой историей, поскольку история Индии, Йемена и других стран (к которой автор, несомненно, имел доступ через «Табакат-и Насири») совсем не представлена в повествовании. Этот текст представляет собой всеобщую историю, опирающуюся на современную ситуацию в Мавераннахре. Поэтому в центре внимания автора оказались три различных исторических источника, сыгравших важную роль в формировании существующего Мавераннахра и включающих историю Древнего Ирана, историю ислама и историю монголов.

«Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» в некотором смысле уникальна. Согласно исследованиям Ю. Брегеля, это сочинение является единственным историческим текстом, написанным в середине эпохи Шибанидов [Брегель, 2004]; остальные произведения относятся либо к раннему периоду Шибанидов (Шайбани-хан), либо к позднему (Абдаллах-хан II). Среди других всеобщих историй, написанных в этот период, следует упомянуть «Зубдат ал-асар», «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» и «Тарих-и шахи»². Мас'уди не упомянул в своей работе название ни одного из этих произведений.

Учитывая, что текст был создан во время правления 'Абд ул-Латиф-хана, дата его написания должна располагаться между 1540 и 1551 гг. В. В. Бартольд определяет ее как 950/1543–1544 [Бартольд, 1964, с. 490]. Ф. Шварц датирует книгу 1539–1540 гг. [Schwarz, 2021, p. 362]. Однако, данная датировка не подкреплена ссылками или аргументацией. Об авторе сочинения, а именно о Мас'уди Осман-и Кухистани³, помимо разрозненных и ограниченных сведений, содержащихся в самой книге [Ахмедов, 1985, с. 38] никаких иных сведений не зафиксировано. Отсутствие имени автора в «Тазкире» Мутриби Самарканди особенно странно, ведь Мутриби зафиксировал имена 343 писателей и правителей XVI в. (в основном из Самарканда), и даже простых людей, писавших стихи, но имени Мас'уди в его книге нет (см.: [Mutribi, 1998]). Сам автор упо-

¹ Следует отметить, что автор нигде не использует термины «Ханство Абу-л-Хайра» (Khanat-i Abulkhairkhani), «Узбекское ханство» (Khanat-i Uzbek), «Шибанидское ханство»: (Khanat-i Shibani) или «Шибаниды» (Shibaniyan). Для обозначения ханов Мавераннахра в конце XV и первой половине XVI в. он часто использует такие термины, как «Армия ислама» или «Царство Мавераннахра». Однако автор имеет представление о семье Абулхайридов: в начале книги он упоминает о том, что назвал книгу в честь титула султана Абу-л-Хайр-хана [С 478, л. 6а]; А в начале главы, посвященной новейшей истории, он дает заголовок «Абу-л-Хайр-хан и его поколение» [С 478, л. 217а]. Он также называет Джумадук-хана одним из султанов «Бани-Шибан», т. е. «потомков Шибана» [С 478, л. 218а].

² В статье «Ираника» Ю. Брегель ошибочно представляет «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» как первую общую историю этого периода [Брегель, 2004].

³ Некоторые исследователи зафиксировали его имя как Мас'уд и считали, что Мас'уди — ошибка переписчиков. Но Бергель справедливо отмечает, что, вероятно, это не ошибка [Стори, 1972, с. 399]. Необходимо упомянуть, что это имя во всех четырех списках, использованных автором данной статьи, пишется как Мас'уди.

минает в книге, что имел возможность побеседовать с Суюнчходжа-ханом⁴ об исторических событиях [С 478, л. 226а-б; 852, л. 938б], а сын Суюнчходжа-хана (Абд-ул-Латиф-хан) поручил ему написать историю [С 478, л. 6а; С 479, л. 7а; 852, л. 11б]. Из этого следует, что у него была, по-видимому, какая-то бюрократическая должность при дворе. В ташкентской рукописи № 9989, написанной в 1590 г., переписчик упоминает, что «Мас'уд ибн Усман Кухистани... покинул этот непрочный мир» [Ахмедов, 1965, с. 27]. В начале рукописи С 478 упоминается, что Мас'уди был родом из *Масча-и Ура-мене* [С 478, л. 1а], то есть из Зарафшанской области. Также по нисбе «Кухистани» можно предположить, что автор был родом из горных районов Мавераннахра, тем более что он в своей книге упоминал *Мулк-и* (государство) Бадахшан *ва Эялат-и* (провинция) Кухистан в одной категории [С 478, л. 215а].

«Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» нашла свое место и была популярна в Мавераннахре до начала XX в. Это подтверждается множеством сохранившихся рукописей, среди которых три рукописи в Институте востоковедения имени Абу Райхана Беруни АН РУз (no. 9989, no. 1512, no. 5392), три рукописи в Институте восточных рукописей РАН СПб (С 478, С 479, С 480), рукописи в Библиотеке СПбГУ (no. 852), в библиотеке Банкипура (Индия) (no. 468), в исфаханской библиотеке «Фарханг» (Иран) (no. 902)⁵, и в Британском музее (no. 102)⁶. Ташкентская рукопись no. 9989 переписана при жизни 'Абд-ул-Латиф-хана, написана каллиграфическим почерком и содержит 28 изысканных миниатюр [*Собрание...*, т. V, 1960, с. 36–41]. По всей видимости, эта книга была принята двором. Другая всеобщая история под названием «Субханкули-нама», написанная в Бухаре через полтора века после «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», много раз ссылается на данный текст, особенно в разделе истории Древнего Ирана: в ней «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» упоминается, по крайней мере, 12 раз, то есть больше, чем в любой другой книге [Сухайла, 1965, л. 17а-53а]. Изучая «Бахр ал-Асрар» — крупнейший персидский энциклопедический труд XVII в., — исследователи пришли к выводу, что автор этой книги Махмуд Вали Балхи широко использовал «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» [*МИКХ*, с. 140]

До сих пор исследовалась лишь последняя часть этого сочинения и публиковались отрывки из него в сборниках исторических материалов. Другие

⁴ Кажется, что Б. Ахмедов, Ю. Брегель и авторы МИКХ сделали неправильный вывод, исходя из слов Мас'уди. Последний упомянул лишь о том, что слышал информацию от Суюнчходжа-хана, но они заключили, что он был секретарем Суюнчходжа-хана [Ахмедов, 1985, с. 38; Стори, 1972, с. 399; *МИКХ*, с. 136]. В четырех рукописях, использованных в этой статье, такой информации не обнаружено. Из приведенного в *МИКХ* отрывка из ташкентской рукописи no. 9989 можно заключить, что она в этом отношении ничуть не отличается от четырех рассматриваемых здесь списков [*МИКХ*, с. 136].

⁵ Эта рукопись написана в Индии, она не упоминается ни в одном из упомянутых каталогов и исследований.

⁶ Дополнительную информацию о списках вышеуказанного сочинения см.: [Ахмедов, 1965, с. 27; Стори, 1972, с. 399; Миклухо-Маклай, 1975, с. 125–127 (С 478, С 479, С 480); *Собрание...*, т. X, 1975, с. 64 (no. 1512); *Собрание...*, т. V, 1960, с. 36–41 (no. 9989); *Fehrest-e nosakh-e khatti...*, 1378/1999, с. 19–20 (no. 9989, no. 1512, no. 5392).

работы, связанные с этим источником, представляют собой информационные справки в справочниках и энциклопедиях⁷ (см. также: [Ахмедов, 1985; McChesney, 2012]). Одной из проблем исследований в этой области является доминирующий позитивистский подход, игнорирующий проблему повествования и оценивающий значение текста только по тем фактам, которые можно извлечь. Многие историки отмечают, что начальная часть книг всеобщей истории «повторяющаяся», и только последняя часть имеет «историческую ценность» [Ахмедов, 1985, с. 37].

Другая основная проблема, существующая в исследованиях историографии Мавераннахра XVI–XIX вв., заключается в рассмотрении историографии «Средней Азии» отдельно от персидского мира. Среди работ, обладающих этой эпистемологической ошибкой, можно отметить учебник по предмету «Центральноазиатская историография», под редакцией С. Леви и Рона Села [Levi, Sela, 2010]. Чарльз Мелвилл в статье, посвященной историографии этого периода, приходит к выводу, что персоязычные хроники, написанные в Балхе, Бухаре и Самарканде, принципиально не отличаются от персидско-исламской историографии, а с точки зрения перспективы, аудитории, источников, морального послания, цели, риторических инструментов, формы и структуры, происхождения календаря, языка и стиля, темы, предпосылок и закономерностей уместаются в общую структуру персидской историографии [Melville, 2023, p. 15–16]. Результаты данной статьи подтверждают вывод Мелвилла.

В начале данного исследования объясняется исторический контекст появления «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», затем речь пойдет о теоретической основе и предшествующих этой хронике текстах, а также о понимании Мас'уди политики и историографии на основе доступных ему интеллектуальных ресурсов, для чего надо проанализировать то, как Мас'уди обращался с доступными ему историческими источниками. Попутно надо проследить интертекстуальные связи с предыдущими хроникальными текстами, чтобы выявить семантико-повествовательный контекст данного текста. Затем, исходя из условий Мавераннахра XVI в., рассмотрим возможные причины неоднократного переписывания автором своего сочинения. В основе анализа настоящего исследования лежит рукопись ИВР РАН под шифром С 478. В каталоге персидских рукописей ИВР РАН упоминается, что данная рукопись написана в 998/1590 г. [Миклухо-Маклай, 1975, с. 126]. Если принять эту датировку, то это один из старейших списков данного произведения. Также для обеспечения ссылок рукопись была сверена с тремя другими рукописями, включая рукописи ИВР РАН под шифром С 479, СПбГУ под шифром 852 и Британского Музея под шифром 26188⁸.

⁷ См. статьи Yu. Bregel и A. Kügelgen в Encyclopedia Iranica. Дополнительную информацию о советских исследованиях по этому тексту см.: [МИКХ, с. 140; Стори, 1972, с. 399].

⁸ Следует отметить, что в «Тарих-и Абу-л-хайр-хани» автор иногда использовал несколько синонимов согласно общепринятой риторике персидской историографии. При переводе отрывков текст дается в сокращении.

Исторический контекст «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани»

В XVI в. Мавераннахр переживал период глубокого кризиса (см.: [Камолов, 2012]). Одной из причин, усугублявших нестабильность, являлось доминирование родоплеменного мировоззрения, которое, как представляется, препятствовало формированию устойчивых государственных институтов и стимулировало деструктивные практики. В частности, восприятие государственной территории и ресурсов как коллективной собственности племени, наряду с распространением культуры грабежа и потребления вместо культуры производства, приводило к «превращению хозяйств в пастбища» [ИТН, с. 73–86], что негативно сказывалось на экономическом развитии региона.

Второе и третье поколения шибанидских правителей в некоторой степени были адаптированы к придворной культуре и обрели иное понимание культурных, политических и экономических вопросов [Erkinov, 2005, p. 148]. Одним из изменений, которое можно отметить в процессе адаптации степных ханов Шибанидов к придворной жизни, является то, как они относятся к культуре с позиции двора. Первые узбекские ханы, еще тесно связанные с кочевничеством, не имели понимания «возвышенной письменной культуры», это видно из вызова Шади, который был отдан Шайбани-ханом в качестве добычи кочевым ханам. По словам Дервиш-Али Чанги, Маулана Шади не понимал положения кочевников, а их политические отношения и художественный вкус казались ему презренными. Со своей стороны, кочевые ханы не понимали ни его менталитета, ни городской эстетики, и это отсутствие взаимопонимания в итоге привело к убийству Шади кочевыми ханами [D403, л. 1136–1166]. В такой ситуации одной из целей бюрократов было приобщение кочевых ханов к оседлой культуре и принципам двора. Иными словами, многие литературные и историографические произведения этого периода в целом можно рассматривать в жанре «Княжеские зеркала» (*Siyasat-name-navisi*) [Subtelny, 1983, p. 141–145; Karimov, 2011, p. 195]. Абд-ул-Латиф-хан принадлежал к поколению, пережившему эту культурно-политическую трансформацию; современные ему источники представляют его как поклонника культуры и литературы [Nisari, 1998, p. 24–25; Самаркандские документы..., 1974, с. 311].

Одной из функций историографии Шибанидского ханства было объяснение миграции ханов из Дашт-и Кипчака (Кипчакской степи) и их расселения в Мавераннахре, чтобы их история и история коренного народа Мавераннахра были объединены в единое повествование, а конфликт различных традиций [Mcchesney, 2012, p. 507] был бы не так заметен и существующее положение стало бы более понятным. Создание большого количества исторических сочинений в XVI в. является признаком кризиса понимания существующего положения и, как следствие, кризиса принципа политической легитимности. З. Сафа в своём обширном исследовании по истории персидской литературы указывает, что едва ли есть какой-либо период во всей истории персидской литературы, в который бы уделялось настолько сильное внимание написанию исторических книг, как в эту эпоху [Safa, 1991, p. 1550].

Понимание истории Мас'уди

Во введении Мас'уди прямо упоминает о двух общих мотивациях и называет основные цели в историографии:

Цель памяти, по мнению автора хроники, это мотив, который в первую очередь интересует государей [С 478, л. 245б-246а], и, видимо, сам 'Абд-ул-Латиф-хан также заказал книгу, мотивируя необходимостью знания генеалогии и сохранением памяти [С 478, л. 6а]. Здесь автор переписывает фразу из предисловия «Джами' ат-Таварих», не ссылаясь на эту книгу [Rashid al-Din, 2013, p. 17], утверждая, что от Махмуда Газнави со всей его властью и богатством в мире ничего не осталось, но литературно-исторический шедевр «Шахнаме» Фирдоуси, написанный во время его правления, бессмертен и, если бы не Фирдоуси, не сохранилась бы память о древних героях Ирана [С 478, л. 5б-6а; С 479, л. 6б и 7а; 852, л. 11а].

Дидактическая цель — в основном, мотивация, на которую обращают внимание бюрократы, желающие наставить короля на правильный политический путь. Здесь пересекаются историографический дискурс и дискурс «княжеских зеркал» [Tabatabaei, 2011, Глава 3]. Мотивация автора — представлять иранских царей прошлого в качестве политических моделей для 'Абд-ул-Латиф-Хана иногда — излагается отчетливо [С 478, л. 105]. Мас'уди пишет во введении: «Чтобы украсить его чистую душу (правителя), мы рассказали истории прошлых наций (*mellat*)⁹ а также деяния и условия прошлых наций (*mellat*) и государств таким образом, чтобы дать представление о скрытом значении в его облике, и из намеков и важных моментов, которые неявно в нем скрыты, тайны мира откроются» [С 478, л. 2б]. Автор ссылается на рассказ о современных ему событиях в Бадахшане и говорит о том, какую потенциальную роль в политике могут сыграть «рассказы советников», и, конечно же, добавляет, что если фортуна отвернется от принца, то советы доброжелателей не будут иметь никакого эффекта [С 478, л. 216А].

Автор говорит, что с давних пор предметом «науки истории» является «описание действий и речи двух родов: «Пророков» и «Царей», которые являются как бы представителями божественного порядка на земле и имеют абсолютную власть над живыми существами. Мудрецы прошлого записали и изложили жизни представителей этих двух групп людей и привели их в качестве примера для решения вопросов, такого рода повествования и прославились как историческая наука». Далее автор говорит, что «некоторые [историки] начинают историю с начала творения, но описание творения не является обязанностью этой науки», и «главная цель здесь — понять условия и действия честного человеческого рода». Поэтому в своей истории он начинает повествование с первого человека — Адама [С 478, л. 7а].

Конечно, идею царской власти нельзя полностью понимать как божественную идею. Особенно в понимании бюрократов она помещалась в рамки стратегического разума, то есть ее можно даже противопоставить рели-

⁹ Автор использовал слово *mellat*. В прошлом это слово обозначало религиозную общину, а в современную эпоху в ходе смысловой эволюции оно приобрело значение нации.

гии. Например, Мас'уди ясно пишет, что «царское правосудие выше [двойственности] неверия и религии, а правосудие неверующего лучше, чем притеснение правоверного царя» [С 478, л. 2186 — немного неправильно; С 479, л. 3096 — правильно]. Очевидно, что мнение исламских фанатиков было прямо противоположным. В книге «Аль-Фахри» есть повествование, которое хорошо показывает эту разницу во взглядах. Хулагу после завоевания Багдада был проведен опрос среди исламских ученых города: Кто лучше — «справедливый неверный султан» или «тиранический султан-мусульманин»? Из всех исламских ученых Багдада только один (вероятно, шиит и имеющий прагматические мотивы) проголосовал за то, что светское правосудие имеет приоритет над религией [Ibn al-Tiqtaqa, 1966, p. 17]. Таким образом, помещение Мас'уди в интеллектуальный контекст его времени показывает его отношение к таким важным вопросам, как обожествление власти и связи «священного» и «политического»¹⁰.

Мас'уди пытается понять ход событий в долгосрочном историческом контексте, а именно — объяснить историю миграции и расселения Абу-л-Хайр-хана и его потомков в Мавераннахре в контексте исторических событий периода Тимуридов. Рассказывая об Абу-л-Хайр-хане, он пишет: «События, свершающиеся в мире, и поведение и действия человечества связаны друг с другом, поэтому для выяснения происхождения... хана... необходимо привести краткий рассказ о Джумадук-хане, который был одним из знаменитых государей Бани-Шибана и объяснить положение некоторых эмиров и повстанцев того времени» [С 478, л. 218а].

В мировоззрении Мас'уди, как и в мировоззрении других средневековых историков, важное место занимает фатализм. О падении Сасанидов он пишет: «Поскольку правление Сасанидов было обращено к закату, а флаг Исламского государства был обращен к восходу солнца, царская корона не удержалась ни на чьей голове, ибо пришло время тюрбана» [С 478, л. 996; 852, л. 192а]. В этом же ключе автор судит и об оккупации Мавераннахра монголами. Он говорит, что, хотя монголы были «нерелигиозными неверными» (*koffar-i bidin*), судьба стремилась к изменению существующего положения [852, л. 3186-320а]. Рассказывая о начале и конце правления каждой династии, автор указывает, что династические переходы обусловлены божественным провидением и зависят от божьей воли. Данная концепция выполняет не только объяснительную, но и легитимирующую функцию. Яркой иллюстрацией служит оценка кратковременного правления Халил-Султана Тимурида: «Великая задача царствования заключается в построении мира, а рискованная деятельность по строительству государства и... без божественного дара и одобрения бога тщетна и бесполезна» [С 478, л. 201а]. Таким образом, фатализм становится у Мас'уди инструментом рационализации политических катаклизмов через теологическую призму. В целом он оправдывает падение Тимуридов и возвышение Абу-л-Хайр-хана «божественной судьбой». Это видно из диалога Абу-л-Хайра с военачальниками, которые пытаются отговорить его от захвата Хорезма,

¹⁰ О конфликте и противоречии между исламским шариатом и светской политикой, в основном нашедших отражение в жанре «княжеских зеркал» в средневековой Европе, см. также статью Ледера [Leder, 2015].

утверждая, что Хорезм принадлежит наследникам Тимура: «Абу-л-Хайр говорит: “Земля принадлежит Богу. Он отдает ее, кому пожелает. И завоевание, и победа происходят благодаря милости Бога, а не размеру войск и армий”» [С 478, л. 225а; 852, л. 4366-437а].

Фатализм, как и понимание истории в рамках объективного разума, создавал особые проблемы для средневековых историков. Согласно общему мировому порядку, каждое событие должно иметь причину и, в конце концов, должен существовать высший разум, правящий историей. Но реальность не всегда вписывалась в эту гармоничную схему, и средневековым историкам приходилось обосновывать эти противоречия. Среди прочего, оправдывая инцидент, в который попал Абу-л-Хайр в детстве, Мас'уди пишет: «Согласно некоторым приемам и правилам, которые мудрые умы человечества не способны понять, посредники судьбы иногда приносят благодать в виде страданий из-за завесы невидимого в пустыню видимого». А затем он сравнивает историю пророка Йусуфа с историей детства Абу-л-Хайра [С 478, л. 2196]. В другом месте, оправдывая противоречие между фатализмом и этикой, почему нужно убить тысячу человек, чтобы свергнуть одного человека (хана), он говорит, что эта тайна еще не открыта мудрыми [С 479, л. 325б; С 478, л. 230а — с ошибками].

Источники: В части, посвященной периоду до монгольского нашествия, «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» в значительной степени опирается на «Тарих-и Бенакети» (XIV в.) и «Табакат-и Насири» (XIII в.). Автор ссылается на «Тарих-и Бенакети» 23 раза, а на «Табакат-и Насири» 12 раз, то есть больше, чем на любой другой исторический труд. Этот факт делает «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» уникальным в историографии Бухарского ханства. В отличие от Мас'уди, который использовал до-тимуридские исторические произведения как источники и модели, историография эпохи Шибанидов представляла собой продолжение историографии Тимуридов. Историки этого периода черпали вдохновение и материалы из таких текстов, как «Зафар-наме» Йазди и «Раузат ас-сафа» [Bregel, 2004].

В разделе, посвященном династиям Пишдадидов и Кеянидов, широко использовалась «Шахнаме» Фирдоуси¹¹. Уважение Мас'уди к Фирдоуси и «Шахнаме» можно увидеть повсюду в его книге; всякий раз, когда напрямую цитируется «Шахнаме», Фирдоуси упоминается под прозвищами, которые в арабо-персидских текстах часто используются только для святых. Кроме того, во всей книге используются прилагательные, взятые от героев Шахнаме, для положительного описания персонажей, в том числе и самого 'Абд-ул-Латиф-хана.

Что касается описания истории монголов и Тимуридов, то представляется, что «Зафар-наме» Йазди, «Тарих-и Джухангуша» Джувайни и «Тарих-и Рашиди» были основными источниками для Мас'уди. И, вероятно, среди его письменных источников для написания истории поздних Тимуридов и Абу-л-Хайр-хана были «Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн» 'Абд-ар-Раззака Самарканди [Бартольд, 1964, с. 490] и «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» [МИКХ, с. 137] При этом автор ни разу не упоминает эти два произведения. Основываясь на

¹¹ Влияние «Шахнаме» на Мас'уди подробно рассмотрено в моей статье на персидском языке [Rezaeepuя, 2018].

изучении рукописей, Комсток-Скипп полагает, что при написании данного сочинения использовались также монгольские источники из библиотеки Шайбани-хана в Самарканде [Comstock-Skipp, 2022, p. 76, 86].

В «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» содержится уникальная информация о многих эмирах, беках и биях, отсутствующая в других персидских и тюркских письменных источниках того периода. Авторы *МИКХ* предполагают, что источниками этой информации для Мас'уди могли быть документы или устная история [МИКХ, с. 137]. Мас'уди дважды ссылается на собственные устные источники: Ходжи Ахмада Джама [С 478, л. 212б; С 479, л. 307а] и Суюнчходжа-хана [С 478, л. 226а-б; 852, л. 438б].

Несмотря на ценность информации, содержащейся в труде Мас'уди, к ней необходимо подходить с критической оценкой. Проводя сопоставительный анализ свидетельств «Рашахата», где ключевая роль в событиях позднего периода правления Тимуридов отводится Ходже Ахрару, и «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», где центральной фигурой является Абу-л-Хайр-хан, В. В. Бартольд приходит к выводу о необходимости тщательной проверки данных, представленных в последнем источнике [Бартольд, 1964, с. 165]. Ученый особо отмечает, что сведения о роли Абу-л-Хайр-хана в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» следует рассматривать с осторожностью, учитывая возможность преувеличения его заслуг [Бартольд, 1964, с. 155, 164]. Пример некритического принятия повествования о жизни Абу-л-Хайр-хана в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» можно наблюдать в статье А. А. Семенова. Он принимает сообщение Мас'уди об интересе хана к науке и культуре как достоверное [Семенов, 1956, с. 52]. Однако, по всей видимости, это сообщение нацелено скорее на легитимацию ханской власти и подачу примера 'Абд-ул-Латиф-хану, нежели на нейтральное описание действительного положения вещей.

Переписывание и подбор источников

Сравнивая «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» с ее источниками, можно выделить некоторые основные моменты:

1. Двойное деление. Периодизация «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» в основном доисламская и постисламская. Мас'уди не выделил специальную главу для монголов и правителей ханства Абу-л-Хайр-хана и отнес их к «шахам, правившим в Иране после ислама» [С 478, л. 100б; 852, л. 193а].

2. Формальное влияние «Табакат-и Насири». В частности, Мас'уди позаимствовал из этой книги логику деления книги на главы [852, л. 91б].

3. Идея Ирана. В «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» территория, история которой излагается в книге, является Иран. Даже история Чингисхана упоминается в связи с исторической судьбой Ирана, а история Абу-л-Хайр-хана и его потомков рассматривается только в связи с историей тимуридских султанов Мавераннахра. Можно утверждать, что слово «Иран» — это часто встречающийся термин политической географии в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани». Кроме того, используются и другие синонимы Ирана, такие как «Царство Аджам» (*Saltanat-i Ajam*). Мифолого-историческое повествование о разделе мира упоминается в тексте дважды, и в обоих случаях упоминается происхождение иранцев [С 478, л. 12а и 36а]. Мас'уди представляет Чингисхана как «царя

Турана» [852, л. 278а], и это свидетельствует о том, что его понятие о монголах основано на «Шахнаме». О нашествии монголов он сообщает как о «нападении Турана на Иран» [С 478, л. 279б], однако называет правление Хулагуидов «царством в Иране» [С 478, л. 327].

4. Особое внимание, уделяемое Хорасану и Мавераннахру. В частности, начиная с периода Тимуридов основное внимание в сочинении уделяется Хорасану и Мавераннахру и особенно городу Самарканду. На основе повествования Мас'уди можно в некоторой степени реконструировать взгляд бюрократов (которые обычно имели оседлое социальное происхождение). Мас'уди имеет в виду идею «царства Мавераннахра» [С 478, л. 208б и 241б], независимого от прихода и ухода лиц и династий. На самом деле для оседлого населения Мавераннахра политическая стабильность и устойчивый институт власти были более значимы, чем происхождение правителя (см. также: [Семенов, 1956, с. 59]).

5. Сокращение некоторых исторических тем, которые, по мнению автора, для его времени были уже малоинтересны. Так, для автора «Табакат-и Насири» падение Халифата являлось важным современным событием, но Мас'уди уже не видит необходимости уделять этой теме большое внимание, поэтому история халифата Аббасидов и его падение представлены очень кратко.

6. Легитимизация правящей династии. Написание всеобщей истории в Мавераннахре XVI в. было политической необходимостью, которая должна была ответить на вызовы времени [Додхудоева, 2014, с. 250–251]. В «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» дано развернутое и непрерывное историческое повествование, начинающееся с истории пророков и царей (шахов) и в итоге доходящее до Абу-л-Хайр-хана. Такое повествование само по себе предполагает своего рода эсхатологическое обоснование существования нынешней правящей семьи [Robinson, 2004, p. 137]. В Мавераннахре XVI в., хотя «шаха» фактически не существовало (Абдаллах-хана II можно считать исключением) и кочевые аристократы, которые были основным источником военной мощи, не имели стремления к централизованному правлению, «хан» в историографии этого периода описывается как «шах». Кроме того, в историографии этого периода, в том числе в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани», ценности, связанные с монархической системой, занимают видное место в качестве критерия оценки действий государей. Исследователи отмечают, что, скорее всего, Абу-л-Хайр-хан был кочевым ханом, т. е. не имел стабильного государства с определенными границами, постоянной столицей, бюрократией, экономической системой [ИТН, с. 35; Бартольд, 1964, с. 164–165, 489]. Однако образ Абу-л-Хайр-хана в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» далек от его исторической реальности — можно сказать, что это его иранизированный образ. В повествовании Мас'уди Абу-л-Хайр-хан всегда сравнивается с идеальными царями древнего Ирана — Феридуном и Джамшидом [С 478, л. 217б] и подчеркивается, что он был «коронован по обычаю Кеянидов» [С 478, л. 224а]. В представленном Мас'уди образе Абу-л-Хайр-хана нет признаков монгольской легитимности, его легитимность проистекает из иранских и исламских элементов.

Здесь необходимо подробнее остановиться на понимании Мас'уди монгольской проблемы в Мавераннахре. Несмотря на то, что Мас'уди знал о резне

и грабежах монголов в Мавераннахре из «Тарих-и Джахангуша» Джувайни и «Табакат-и Насири», он в значительной степени опустил эти сведения. Однако он конкретно упоминает, что «неверные татары и бездарные монголы» разрушили Багдад [С 479, л. 66б; С 478, л. 46б — отсутствует слово «бездарные»). В повествовании Мас'уди о Чингисхане отсутствует восхваление и нет указания на то, что ханы Шибаниды являются его потомками. В рассказе о роде Чингиса, при описании потомков Джучи, нет упоминания о чингизидском происхождении как источнике легитимности Шибанидов [С 478, л. 189а-б]. Но в конце книги автор добавил к тексту краткую генеалогию и там указал, что «красноречивые секретари в существующих летописях записали родословную хана, авторитет которого подобен Феридуну, следующим образом: Абу-л-Хайр-хан сын... сына Джучи сына Чингисхана... сына Йафета сына Ноя» [С 478, л. 245б-246а]. Интересно, что в рукописи, написанной в XIX в., переписчик продолжил эту генеалогию и добавил сведения о ханах Аштарханидах [852, л. 360а-б].

Еще один интересный факт: автор продолжает историю Хулагуидов Ирана, а не историю улусов Джучи и Чагатай. В своем описании монгольских врагов Абу-л-Хайр-хана Мас'уди упоминает, что они из «рода Джучи» [С 478, л. 227б], и Абу-л-Хайр-хан черпает свою легитимность из ислама, чтобы бороться с ними [С 478, л. 227б-229а]. «Улус-Чагатай» упоминается в рассказе о тимуридской армии Мавераннахра [С 478, л. 213б].

Другое существенное обстоятельство — это обширное восхваление автором Тимура [С 478, л. 198б]. В рукописи С 478 упоминается, что мать Кучкунчи-хана, т. е. деда 'Абд-ул-Латиф-хана, была из дочерей Улугбека, а мать Мухаммад-хана Шайбани была из племени Боркут [С 478, л. 244б]. Это разъяснение становится более важным, если учесть, что сведения о Мухаммад-хане Шайбани в «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» ограничены, и можно сказать, что в этой истории он был маргинализирован. Напротив, Мас'уди акцентирует внимание на ветви потомков Улугбека. В другой краткой всеобщей истории, написанной, вероятно, в Самарканде в 932/1525 г. под названием «Тарих-и шахи», основное внимание повествования также уделяется этой ветви, а Мухаммад-хан Шайбани представлен второстепенным персонажем (см.: [М 927]). Таким образом, можно сделать вывод, что историки различали ветви Шибанидов и неоднозначно относились к их взглядам и историческим претензиям (см. также [Уэлсфорд, 2009. с. 25; Comstock-Skipp, 2022, p. 76–78]).

Заключение

Мас'уди писал свой труд для 'Абд-ул-Латиф-хана, правителя Самарканда середины XVI в. В нем он постарался подать ему пример «предшествующих царей», представив таким образом хану модель Иранского царства. В данной статье показано, что историография является формой политического активизма и в своей совокупности порой приближается к дискурсу «княжеского зеркала». Поэтому образ средневековых историков как нейтральных секретарей должен быть переосмыслен. Более всего Мас'уди освещает вопросы, связанные со справедливостью и стабильностью, что можно рассматривать как реакцию на нестабильные условия Мавераннахра XVI в. Автор также пытается понять

новую ситуацию Мавераннахра путем отбора, редактирования и пересмотра истории. В начальных частях «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» во многом основана на трех книгах: «Табакат-и Насири», «Тарих-и Бенакети» и «Шахнаме» Фирдоуси, а в разделах истории Монголов и Тимуридов использованы «Тарих-и Джахангуша» Джувайни, «Зафар-наме» Йазди и «Тарих-и Рашиди». В разделе истории Абу-л-Хайр-хана автор иногда использовал уникальные источники устной истории. Текстуальный анализ книги показывает, что пересказ Мас'уди остроумен, и он изменяет повествование в соответствии с контекстом своего времени. В соответствии с поставленными целями Мас'уди при написании этого исторического труда сделал повествование максимально определенным и единообразным, используя более простой и понятный язык по сравнению со своими ранними текстами. Поэтому следует пересмотреть понимание всеобщей истории Средневековья как «простого повторения предыдущих текстов».

Список сокращений и обозначений

- ИТН* — *История таджикского народа*. Т. IV. Ред. Х. Пирумшоев, А. Саидов, Р. Мукимов и др. Душанбе: Дониш, 2010.
- МИКХ* — Ибрагимов С., Пищулина К., Юдин В. *Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)*. Ч. 2. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1969.
- 26188 — Мас'уди б. Османи Кухистани. *Тарих-и Абу-л-Хайр-хани*. Британский Музей, Лондон, Великобритания. Шифр 26188.
- 852 — Мас'уди б. Османи Кухистани. *Тарих-и Абу-л-Хайр-хани*. Библиотека СПбГУ, г. Санкт-Петербург, Россия. Шифр 852.
- 902 — Мас'уди б. Османи Кухистани. *Тарих-и Абу-л-Хайр-хани*. Библиотека «Фарханг». Исфахан, Иран. Шифр 902.
- М 927 — *Тарих-и шахи*. Библиотека СПбГУ. Санкт-Петербург, Россия. Шифр М 927.
- С 478 — Мас'уди б. Османи Кухистани. *Тарих-и Абу-л-Хайр-хани*. Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия. Шифр С 478.
- С 479 — Мас'уди б. Османи Кухистани, *Тарих-и Абу-л-Хайр-хани*. Институт восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия. Шифр С 479.
- Сухайла, 1965 — Сухайла. *Субханкули-нама*. Институт восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия. Шифр 1965.
- D403 — Дарвиш-Али Чанги. *Рисала-йи Мусики*. Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия. Шифр D403.
- EI* — *Encyclopedia Iranica*.

Список литературы / References

Рукописи / Manuscripts

1. Дарвиш-Али Чанги. *Рисала-йи Мусики*. Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия. Шифр D403.
2. Мас'уди б. Османи Кухистани. *Тарих-и Абу-л-Хайр-хани*. Библиотека СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. Шифр 852.

3. Мас'уди б. Османи Кухистани. *Тарих-и Абу-л-Хайр-хани*. Библиотека «Фарханг», Исфахан, Иран. Шифр 902.
4. Мас'уди б. Османи Кухистани. *Тарих-и Абу-л-Хайр-хани*. Британский Музей, Лондон, Великобритания. Шифр 26188.
5. Мас'уди б. Османи Кухистани. *Тарих-и Абу-л-Хайр-хани*. Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия. Шифр С 478.
6. Мас'уди б. Османи Кухистани. *Тарих-и Абу-л-Хайр-хани*. Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург. Шифр С 479.
7. Сухайла. *Субханкули-нама*. Институт восточных рукописей РАН. Санкт-Петербург, Россия. Шифр 1965.
8. *Тарих-и шахи*. Библиотека СПбГУ. Санкт-Петербург, Россия. Шифр М 927.

Книги и статьи / Books and articles

1. Ахмедов Б. А. *Государство кочевых узбеков*. М.: Наука, 1965 [Ahmedov B. A. *State of nomadic Uzbeks*. Moscow: Nauka, 1965 (in Russian)].
2. Ахмедов Б. А. *Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники)*. Ташкент: Фан, 1985 [Ahmedov B. A. *Historical and geographical literature of Central Asia 16th–18th centuries: written monuments*. Tashkent: Fan, 1985 (in Russian)].
3. Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. II. Ч. 2: *Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии*. М.: Наука, 1964 [Bartol'd V. V. *Essays*. Vol. II. Part 2: *Problems of the history of Central Asia*. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian)].
4. Додхудоева Л. Всемирная история как инструмент формирования имперской идеологии и идентичности в средневековом Мавераннахре. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. 2014. № 1, pp. 245–254 [Dodkhudoyeva L. World history as an instrument for the formation of imperial ideology and identity in medieval Transoxiana. *Bulletin of the Tajik State University in Law, Business, Politics. Social Science Series*. 2014. No. 1, pp. 245–254 (in Russian)].
5. *История таджикского народа*. Т. IV. Ред. Х. Пирумшоев, А. Саидов, Р. Мукимов и др. Душанбе: Дониш, 2010 [Pirumshoev Kh. Saidov A., Mukimov R. and others (eds). *History of the Tajik people*. Vol. IV. Dushanbe: Donish, 2010 (in Russian)].
6. Камолов Х. Ш. *История вторжения кочевых племен Дашт-и Кипчака в Мавераннахр и Хорасан. XVI в.* Душанбе: Дониш, 2012 [Kamolov H. S. *The history of the invasion of the nomadic tribes of Dasht-i Kipchak into Transoxiana and Khorasan in 16th century*. Dushanbe: Donish, 2012 (in Russian)].
7. Ибрагимов С., Пищулина К., Юдин В. *Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений)*. Ч. 2. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1969 [Ibragimov S., Pischulina K., Judin V. *Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th–18th centuries: from Persian and Turkic works*. Part 2. Almaty: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1969 (in Russian)].
8. Миклухо-Маклай Н. Д. *Описание таджикских и персидских рукописей Института востоковедения*. Вып. 3: *Исторические сочинения*. Отв. ред. О. Ф. Акимушкин. М.: Наука, 1975 [Mikluho-Maklai N. D. *Description of Tajik*

- and Persian manuscripts of the Institute of Oriental Studies*. Issue 3: *Historical works*. Ed.-in-Chief O. F. Akimushkin. Moscow: Nauka, 1975 (in Russian)].
9. Самаркандские документы XV–XVI вв. Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович. М.: Наука; ГРВЛ, 1974 [*Samarkand documents of the 15th–16th centuries*. Facsimile, critical text, transl., introd., notes and indexes by O. D. Chekhovich. Moscow: Nauka; GRVL, 1974 (in Russian)].
 10. Семенов А. А. Культурный уровень первых Шейбанидов. *Советское востоковедение*. 1956. № 3. С. 51–59. [Semenov A. A. Cultural level of the first Shibanids. *Sovetskoe vostokovedenie (Soviet oriental studies)*. 1956. No. 3, pp. 51–59].
 11. Стори Ч. А. Персидская литература. Био-библиографический обзор. Ч. I. Пер. и ред. Ю. Э. Брегель. М.: Наука, 1972 [Stori Ch. A. *Persian literature. Bio-bibliographic review*. Part I. Transl. and ed. by U. Bregel. Moscow: Nauka, 1972 (in Russian)].
 12. *Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР*. Т. V. Ташкент, 1960 [*Collection of oriental manuscripts of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR*. Vol. 5. Tashkent, 1960 (in Russian)].
 13. *Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР*. Т. X. Ташкент, 1975 [*Collection of oriental manuscripts of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR*. Vol. 10. Tashkent, 1975 (in Russian)].
 14. Уэлсфорд Т. «Шахри-и санг-и сабз»: Тимуридское наследие в Самарканде в XVI–XVII вв. *Вестник Международного института центральноазиатских исследований*. Вып. 9. 2009. С. 23–32 [Welsford T. “Shahri-i sang-i sabz”: The Timurid Heritage in Samarkand in the 16th–17th Centuries. *Bulletin of the International Institute of Central Asian Studies*. Issue 9. 2009, pp. 23–32 (in Russian)].
 15. Ibn al-Tiqtaqa. *Al-Fakhrī*. Beirut: Dar al-Sader, 1966 (in Arabic).
 16. Bregel Y. Historiography xii. *Central Asia. Et*. Vol. XII, Fasc. 4, pp. 395–403. Originally Published: December 15, 2004. Last Updated: March 22, 2012. — Электронный ресурс: URL <https://www.iranicaonline.org/articles/historiography-xii> (accessed: 16.12.2024).
 17. Comstock-Skipp J. K. *Scions of Turan: Illustrated Epic Manuscripts of the 16th Century Abū'l-Khairid Uzbeks and Their Cross Dynastic Exchanges*. PHD dissertation. Leiden: Leiden University, 2022.
 18. Erkinov A. The Poetry of the Nomads and Shaybani Rulers of Transition to a Settled Society. *Central Asia on Display: Proceedings of the VII Conference of the European Society for Central Asian Studies (27–30 September 2000)*. G. Rasuly-Palczek, J. Katsching (eds). Vienna: Lit Verlag, 2004, pp. 145–150.
 19. *Fehrest-e nosakh-e khatti faarsi anstito sharghshenaasi abooreyhan birooni farhangestaan 'oloom ozbakestaan* (Каталог персидских рукописей Института Востоковедения Абу Рихана Бируни Академии наук Узбекистана). Vol. 1: Ali Mojani and others. Qom: Mara'shi Library. 1378/1999 (in Persian) [*Catalogue of Persian manuscripts of the Institute of Oriental Studies Abu Rihan Biruni of the Academy of Sciences of Uzbekistan*. Vol. 1: Ali Mojani and others. Qom: Mara'shi Library. 1378/1999 (in Persian)].

20. Ferdawsi. *Shahnameh / Book of Kings*. Vol. 1. Djalal Khaleghi-Motlagh (Ed.). Tehran: Center for the Great Islamic Encyclopedia, 1386/2007 (in Persian).
21. Karimov O. *Adabiat-e farsi dar gharn-e 16 (Персидская литература XVI века)*. Tehran: Shahriaran, 1390/2011 (in Persian) [Karimov O. *Persian Literature of the 16th Century*. Tehran: Shahriaran, 1390/2011 (in Persian)].
22. Kügelgen Anke von. *BUKHARA viii. Historiography of the Khanate, 1500–1920*. Elr. Originally Published: July 15, 2009. Last Updated: July 13, 2012.
23. Leder S. 'Sultanic Rule in the Mirror of Medieval Political Literature' in *Global Medieval: Mirrors for Princes Reconsidered*. Ed. by F. Regula and Y. Negin. Cambridge: Harvard University Press, 2015, pp. 94–111.
24. Levi S. C., Sela R. (eds). *Islamic Central Asia: An Anthology of Historical Sources*. Bloomington: Indiana University Press. 2010.
25. Melville Ch. Perceptions of History in Persian Chronicles of the Sixteenth–Seventeenth Centuries in Central Asia. *Memory and Commemoration across Central Asia*. Leiden, The Netherlands: Brill, 2023, pp. 15–39.
26. Minhaj-i-Siraj Juzjani. *Tabaqat-i Nasiri*. Ed. by Abdul-Hai Habibi, Kabul (Afghanistan): Jahandran Ghori Cultural Foundation, 1391/2012 (in Persian).
27. McChesney R. D. Historiography in Central Asia since the 16th Century. *Persian Historiography. A History of Persian Literature*. Vol. X. Ed. by Ch. Melville. London: I. B. Tauris, 2012, pp. 503–531.
28. Mutribi Samarkandi. *Tazkire a-Sho'ara*. Ed. by Asghar Janfad. Tehran: Miras-e Maktoob, 1377/1998 (in Persian).
29. Nisari. *Muzakkir-i ahbab*. Ed. by Najib Mayel. Tehran: Markaz, 1377/1998 (in Persian).
30. Rashid al-Din, Fadl-Allah. *Jāmi' al-tavārikh. Tārīkh-i Iran va Islam*. Ed. by M. Raushan. Vol. 1. Tehran: Miras-e Maktoob, 2013 (in Persian).
31. Rezaeepuya A. Intertextual analysis of the History of Abū'l-Khair: an overview of the text and a case study of the Pishdadian section based on Gérard Genette's transcript. *Proceedings of the Fourth Conference on Literary Textual Research*. Vol. 4 (Āzar 1396 [November-December 2018]), pp. 601–634 (in Persian).
32. Robinson Ch. F. *Islamic Historiography*. Oxford: University of Oxford, 2004.
33. Ruzbihan Khunji, Fazlullah. *Suluk Al-Muluk*. Ed. by M. Movahed. Tehran: Kharazmi, 1362/1983 (in Persian).
34. Ruzbihan Khunji, Fazlullah. *Mihman-nama Bukhara*. Ed. by Manuchehr Sotoudeh. Tehran: Elmi farhangi, 1389/2010 (in Persian).
35. Safa Z. *Tarikh-e adabiat-e farsi dar Iran va ghalamrove zaban-e farsi (История литературы в Иране и персидском мире)*. Vol. 5/3. Tehran: Ferdos, 1370/1991 (in Persian) [Safa Z. *History of Literature in Iran and the Persian World*. Vol. 5/3. Tehran: Ferdos, 1370/1991 (in Persian)].
36. Schwarz F. Safavids and Ozbeks. *Safavid Persia in the Age of Empires: The Idea of Iran*. Ed. by Ch. Melville. London: I. B. Tauris, 2021, pp. 357–374.
37. Subtelny M. E. Art and politics in early 16th century central Asia. *Central Asiatic Journal*. 1983. Vol. 27. No. 1/2, pp. 121–148.
38. Tabatabaei J. *Nizam al-Mulk*. Tehran. Andishe mo'ser, 1390/2011 (in Persian).

Информация об авторе

Резаипуя Али — приглашенный научный сотрудник на кафедре Центральной Азии и Кавказа, Восточный факультет Санкт-Петербургского университета (СПбГУ), Санкт-петербург, Россия; ali.rezaee.puya.ir@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7150-7330>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 22.10.2024; одобрена рецензентами 28.01.2025; принята к публикации 12.02.2025; опубликована 28.03.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Ali Rezaee Puya — visiting fellow at the Department of Central Asia and the Caucasus, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; ali.rezaee.puya.ir@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7150-7330>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 22.10.2024; approved after reviewing 28.01.2025; accepted for publication 12.02.2025; published 28.03.2025.

The author has read and approved the final manuscript.